

Азимбек Бекназаров: «Вторую революцию делать не собираюсь! Еще первая не завершена...»

После своей вынужденной отставки с поста генпрокурора пламенный революционер надолго ушел в тень. И вышел из нее уже в новом (точнее, старом) качестве – депутатом парламента. Вышел под настороженными взглядами: какой теперь «сюрприз» готовит вечный возмутитель спокойствия, что опять замышляет? Впрочем, это далеко не единственный вопрос, который возник у нашей газеты к Бекназарову. Их мы хотели задать ему еще сразу же после отставки, но не получилось. Да и новые появились... С учетом сложившейся обстановки.

– Азимбек Анаркулович, так почему все-таки не состоялся ваш сентябрьский отчет на площади?

– Потому, что в тот день, когда я должен был отчитываться перед народом (о чем мы заранее объявили), некоторые силы, близкие к власти, организовали группы «минус». После митинга они хотели разбомбить «комки» – и свалить все на нас.

– Вы уверены, что это – достоверная информация?

– Да, информация достоверная, я ее проверил. ТАМ тоже люди работают, мне сочувствующие. Они мне сказали: есть такие группы, будут бомбить «комки», это покажут по телевизору – вот видите, какой «мирный» митинг... Мы сразу все отменили. Я выступил по телевидению, извинился, сказал, что есть такие угрозы, – но это, конечно, вырезали. Я обещал через некоторое время – может быть, через прессу – все же отчитаться. Но пришлось срочно выехать в Аксы, где заболела, а потом скончалась моя мать. Потом 40-дневка, потом выборы...

– Может, теперь назовете истинную причину освобождения вас от должности генерального прокурора?

– Я ее назвал сразу: мафия, коррупционеры – бывшие и новые –

объединились и меня убрали. Я другой причины и сегодня не вижу. После моего ухода уголовные дела, которые я начинал, так и не дошли до суда. Некоторые, которые дошли, прокуратура отозвала. Или отказалась от обвинения, или следственные органы их прекратили. Это – доказательство: кто был заинтересован, чтобы меня убрали. Где уголовные дела, связанные с имуществом Акаева и его близких, – никто не знает. А передел собственности – идет. Например, у Шампанвинкомбината – уже новый хозяин. Адиль Тойгонбаев продал ему свои акции. Почему – мне непонятно. Почему генпрокуратура не отдала ШВК правительству, почему его не продали через аукцион, тендер? Тогда деньги не попали бы в карман Адилью...

– А вы это точно знаете?

– Я сам с новым хозяином ШВК разговаривал, он сам мне сказал: «Я купил его у Тойгонбаева». «Как купил, – говорю, – я же на него арест наложил?!» После вашего ухода, отвечает, уголовное дело прекратили, арест сняли. Такая же ситуация и с «Бителом». Или вот передали в суд дело на Макарова (бывшего заместителя председателя Госкомимущества. – Авт.) по продаже 13 процентов акций цементно-шиферного комбината – его оправдали. И недавно, после Нового года, он к нам в парламент опять пришел вместе с Турдумамбетовым (бывший и нынешний председатель Госкомимущества. – Авт.) – надо проводить третий этап приватизации, продавать «Кыргызгаз», «Северэлектро», «Джалал-Абад-электро»... Я говорю: «А моральное право вы имеете приватизацию продолжать?» Вот мой ответ – кому было выгодно, чтобы я ушел. Обо всем этом я написал в открытом письме президенту.

– В парламенте вы возглавили комиссию по борьбе с коррупцией. А почему в стране продолжает процветать коррупция и организованная преступность? И как вы оцениваете их размеры?

– Нет, наверное, таких весов, чтобы эти размеры взвесить и оценить. Вы про мой отчет спрашивали. Вот теперь по всем тем коррупционным уголовным делам и фактам я в комиссии буду требовать отчет уже от правоохранительных органов: какой результат?

– А что нужно сделать, чтобы хоть немного уменьшить эти два

явления – коррупцию и оргпреступность?

– Общенародная борьба нужна. Пока общенациональный, народный фронт борьбы с коррупцией и оргпреступностью не создадим – ничего не сможем. Каждый на своем участке должен поработать, каждый!

– «Начинать с себя», – мы это уже 15 лет слышали, причем «сверху»! Только вот сами «верхи» отчего-то с себя не начинали...

– За 15 лет акаевского режима к коррупции привыкли все. Мы уже считаем ее в порядке вещей. Надо устроить детей – любой человек пойдет к чиновнику и даст взятку. То же и с переделом собственности: «Ой, там, оказывается, недостроенный объект есть, давай выкупим – пойдем к этому человеку, подключим того человека...» Вся наша жизнь – сплошная коррупция. Нужна настоящая революционная борьба!

– А для этого, Азимбек Анаркулович, нужно поменять мозги – всем жителям республики. Вам не кажется?

– Это тоже нужно. Каждый пусть спросит: «Почему я должен давать взятку этому придурку?», каждый пусть начнет воевать...

– И сколько же лет понадобится, чтобы психологию людей перевернуть?

– Время нужно, правильно. А все зависит от президента, от премьера, от чиновников. Если они будут вместе с народом – 2-3 года достаточно, чтобы «поменять» мозги. А если не захотят ничего менять, тогда бедный народ, конечно, ничего не сможет сделать. И опять будет революция.

– Так почему в стране не ощущаются перемены?

– Нельзя сказать, что совсем нет перемен – они есть. Вот, например, люди почувствовали, что никакой диктатор долго не будет сидеть, рулить государством. Поэтому сегодня народ более активно возмущается каждой ошибкой новых правителей. По каждому убийству, по каждому кадровому назначению народ открыто выступает, проводит жесткие политические акции – это тоже перемены. Но экономических, социальных, системных реформ, действительно, нет. Никто от них не отказывается, все говорят: «Да, будем их делать!» – но почему-то затягивают. Поэтому мы и критикуем президента. Если бы президент и премьер 2-3 шага

хотя бы в борьбе с коррупцией сделали – народ бы почувствовал. – А что конкретно они должны сделать, чтобы почувствовал народ?

– Например, народ возмущается: почему до сих пор владельцы Кантского цементно-шиферного комбината – казахи? Когда прокуратура возбудила уголовное дело, надо было ее поддержать. Надо было выяснить – как комбинат продавался, каким образом иностранцы стали его хозяевами? Но они же, президент с премьером, молчат. Или, когда Бакиева критиковали, что в переделе комбината замешана его семья, президенту нужно было открыто выступить: «Чтобы таких разговоров не было, мы вернем комбинат народу!» Но он ведь так не поступил. А народ ведь видит и слышит – вчера был хозяином Айдар, сегодня – другой стал... На получасовой пресс-конференции можно обмануть журналистов, но народ ведь не обманешь. Другой пример: почему сегодня одна половина правоохранительных органов – тайно или открыто – поддерживает премьера, а другая – президента? Не вижу совместной борьбы тандема с преступностью! Почему они только заявлениями через прессу обмениваются? У них там на 7-м этаже между кабинетами – расстояние 20 метров! Зайдите друг к другу, отношения выясните – и вместе обратитесь к народу и к правоохранительным органам. Вот такие примерно шаги они должны делать.

– Вы, получается, разочарованы итогом революции?

– Нет. Хотя многое получилось не так, как мы хотели. 25-26 марта мы же выбрали не революционный путь, а правовой. Тогда и.о. президента Бакиев предложил нам: будем продолжать революционные реформы, но в правовом поле. Мы поверили. Поэтому не приостановили действие никаких старых законов, никакие объекты не забрали. Думали – через следствие, через суд докажем, что они были приватизированы незаконно, и национализируем. Не получилось. Думали политическую систему путем конституционной реформы поменять... Тоже не получилось. Но у меня надежда еще остается. Все политические силы Киргизстана потихоньку объединяются. Мы заставим президента и премьера провести реформы. Заставим, время пока есть. Так что я не разочаровался. Главная наша победа – никто в Киргизстане

больше не будет править дольше двух сроков, даже не попытается.

– Так вы по-прежнему считаете, что в стране произошла революция, а не смена власти путем переворота?

– Нет. Потому что дворцовый переворот делает кучка политиков, чиновников. А 24 марта вы кого на площади видели? Простых людей! Поэтому, считаю, это – народная революция, никакого переворота не было. Если бы Бекназаров, Бакиев, Кулов и другие зашли бы к Акаеву, заставили уйти и на его место сел бы Бакиев... Но такого же не было! Кулов в тюрьме сидел. Бакиев пришел и ушел куда-то... Акаев убежал... Страной управлять некому... Народ сказал совету НДК: «Давайте, берите власть и управляйте». Мы поставили нашего председателя Курманбека Салиевича: «Рулите». И он в такой трудный, ответственный момент, действительно, взял на себя судьбу страны. И народ еще раз подтвердил на выборах 10 июля – да, это народная революция. Никто ведь не возмущался: «Эй, вы, почему нашего легитимного президента выгнали?»

– Если это революция, то почему случился такой мощный раскол среди революционных соратников?

– Разошлись во взглядах. По большим, стратегическим вопросам у нас раскола нет. А есть по методам, по стилю работы. Мы, например, хотели быстрых перемен, другие – постепенных. Одни говорили: «Давайте с политических реформ начнем», другие: «Нет, давайте с экономических». Вот такие разногласия, других нет.

– У вас с Бакиевым тоже, значит, «идейные» разногласия возникли? А ваша нынешняя соратница Отунбаева с кем во взглядах разошлась?

– Нет, моя отставка, как я уже говорил, – заговор старых и новых коррупционеров. Я многим мешал, не давал никому переделом собственности заниматься. У каждого – свои причины. У Отунбаевой, Кадырбекова, Проненко – разногласия с парламентом. Возможно, и президента они перестали устраивать – поэтому он не настаивал, чтобы они в правительство прошли. Данияра Усенова он же старался провести через парламент, а этих людей – нет...

– Сейчас у нас сочиняют национальную идеологию. Вы как-то заговорили о разработке революционной идеологии. Что это такое в вашем понимании и как вы ее мыслите внедрять в народ?

– Я критиковал Дастана Сарыгулова: он, как госсекретарь, после мартовской революции сразу должен был начать с этого – четко разъяснить народу, какое у нас правительство будет – коалиционное или, по-старому, Семья будет министров потихоньку назначать; как будет формироваться судебная ветвь власти, какие будут административные реформы... А мы победили 24 марта – и все. Только Бакиев сидит вместо Акаева, Кулов из тюрьмы вышел – вместо Танаева сел, я сам пошел на место Суталинова, тот – на место Дюшебаева, Исаков – на место Топоева... И этим все закончилось! А народ верил и ждал реформ. А их нет. Только Бекназарова убрали – а за ним и второго, третьего... Народ каждый день делает выводы: ага, идеологии нет, программы нет, старые революционеры потихоньку уходят...

– Простите, а вы, когда готовили революцию, сами представляли, что будете делать со страной? Программа действий у вас была?

– Было, все было. Не в письменном виде, правда. Когда мы разрабатывали такую программу в 2002 году, нас предавали постоянно, наши же соратники докладывали Аскар Акаевичу. Поэтому, когда в прошлом году везде начало расти недовольство выборами депутатов, я соратников попросил: «Дайте мне полномочия, я сам все проведу. Не спрашивайте – когда, где и как». Тогда – разговор был дома у Жусупа Бакиева в Джалал-Абаде – наш председатель Курманбек Салиевич и начальник штаба Усен Сыдыкович – мне полномочия дали... На 24 марта план у нас был такой – любой ценой овладеть площадью Ала-Тоо. Потому что у нас была убедительная информация (правда это или нет – не знаю), что с 14 часов российская «Альфа» встанет на охрану «Белого дома» и Аскар Акаевич объявит чрезвычайное положение. Поэтому в 12 часов мы и пошли на площадь. Хотели сделать как в Джалал-Абаде, Оше – поставить юрты, выйти с Акаевым на переговоры, чтобы он добровольно оставил власть. Образовать коалиционное правительство...

– Так уход Акаева был концом этого плана? Или началом? Дальше-

то что со страной делать – вы знали?

– Конечно. Если Акаев уходит – Курманбек Салиевич будет временным президентом. Сразу объявим выборы. Так и сделали. Но дальше пошло не по плану. 25 или 26 марта мы, примерно 10 политиков, зашли к Курманбеку Салиевичу с предложением: «Давайте, издайте революционный декрет или указ – и до новой конституции и выборов будем жить по нему». Он вначале согласился, но потом выбрал правовой путь. Объяснил нам. Основания, действительно, были: в Кемине, помните, люди поднялись, вооружились... Мы согласились: правовой так правовой. Вот это, я теперь понимаю, была наша и президента ошибка.

– И что предусматривал ваш революционный декрет?

– Незаконно приватизированные стратегические объекты хотели национализировать – все, чтобы спора не было (потом, конечно, если у государства не получится ими управлять, продать их в частные руки, – но открыто, прозрачно, через тендер и аукцион). Второе: всех тех должностных лиц, которые вместе с Акаевым превратили Киргизстан в авторитарное и коррумпированное государство, – убрать, оставить за бортом, работу в госслужбе не давать. Третье – сразу объявить конституционную реформу. Парламент формируется только по партийным спискам, – чтобы больше не повторялся такой бардак, как на последних выборах. Вот три ключевых момента. А действие законов приостановить.

– А все же: не стоило ли президентских выборов дожидаться? Чтобы сменить Акаева легитимным путем, без потрясений для общества?

– (Хохочет.) А вы до сих пор верите, что были бы президентские выборы?! Мы – нет! Потому что знали: он собирался сидеть в президентском кресле до 2010 года! Новый парламент должен был продлить его полномочия. И уже все готовы были! Придут аксакалы, выступят, раз-раз, проголосовали – сделали! Поэтому народ против этого парламента тогда и восстал. Ведь подготовка уже шла, Бермет Аскарарна уже реально управляла... Если бы мы верили, конечно, подождали бы. Но не верили. И использовали шанс: весь Киргизстан был недоволен прошедшими выборами.

– Вы критиковали Акаева и его семью начиная с 2000 года. Но

скажите честно: семья Бакиева далеко ушла от предыдущей семьи? У Бакиева, кажется, семья помногочисленнее будет, одних братьев – шестеро...

– Разные слухи идут – через прессу. Но пока никакой официальный орган их не подтверждает. Президент это отрицает, его родственники – тоже, но народ и некоторые политики говорят другое... Думаю, скоро все ясно будет. Точку поставим 24 марта – в годовщину революции.

– Так что же произойдет в этот день?! Люди ожидают повторения событий 24 марта прошлого года... Многие – со страхом, некоторые даже уезжают. И угрозу они видят именно с вашей стороны...

– Я уже как-то говорил и повторяю. Кого-то убьют – все сразу думают на Акматбаева, но ни один правоохранительный орган пока не может ничего доказать. То же и со мной: где-то какой-то митинг, где-то юрта ставится – наверное, Бекназаров за этим стоит! Если говорить честно – я против второй революции. Народ уже разочарован «первыми» революционерами – и будет просто гражданская война. Этот голый народ, эта безработная беспаспортная армия будет ломать, жечь – и ее никто не остановит. Поэтому не надо кликать вторую революцию – вторых революций не бывает! Можно говорить о втором этапе первой революции (она ведь еще не закончилась) – о мирном, переговорном, но серьезном способе заставить президента и премьера что-то сделать. Народ пока еще верит тандему. Но я никакого тандема не ощущаю, наоборот – они друг другу мешают! Вместо того, чтобы реформами заниматься, они друг другом занимаются.

– И что же все-таки вы имеете в виду, когда говорите: 24 марта точка будет поставлена?

– Если мы не сможем заставить президента и премьера объясниться с народом и со всеми политическими силами и продемонстрировать реальные шаги, хотя бы в борьбе с коррупцией, мы 24-го выйдем и объясним народу: извини, народ, мы ничего не смогли! А народ, если видит, что лидеры ничего не хотят сделать, сам все сделает, новые лидеры быстро появятся. Мы, конечно, попытаемся этого не допустить, но и 24 марта прошлого года были моменты, когда мы не могли людей

остановить! Те, кто сегодня кричат, что сделают вторую революцию, — они там, на площади, не были и этого не видели. Поэтому их я предупреждаю: если мы хотим, чтобы Киргизстан был единым и цивилизованным, чтобы его уважали другие государства, — нельзя этого допустить!

— Азимбек Анаркулович, согласитесь: в стране — анархия, а проще говоря, бардак. Митинги по любому поводу, захват Кара-Кече, драка за портфели и прочее — когда и чем все закончится?! Количество и сумма взяток, говорят, сейчас резко увеличились, а беспорядка в сто раз прибавилось. Если так, то для чего вы, революционеры, все затевали?

— Знаете, я изучил многие революции. После них всегда был бардак. А после него всегда появляется жесткая рука. После октябрьской революции до 24-го, даже 27-го года в России был бардак, — пока власть не взял Сталин. Репрессии устраивал, но все-таки порядок навел, такое мощное государство построил — этого никто не отрицает. Так же было и после турецкой революции 1923 года. Президент с премьером должны и сейчас установить жесткий порядок, но — диктатуру закона, а не свою личную. А у нас сегодня по закону никто не живет — вот в чем беда. Еще когда я был генпрокурором, мне многие говорили: «Вот, ты уже против президента начал выступать». Но я же служил закону! Раз выбрали правовой путь — соблюдайте закон! Бардак, думаю, закончится, когда истинный тандем будет. Порядка ТАМ нет! ТАМ раскол идет! Поэтому и в обществе — раскол.

— После отставки с поста генпрокурора вашу фигуру окутало облако таинственности, вы, помнится, чуть ли не в подполье ушли. Говорили, уже нынешняя власть в лице спецслужб стала охотиться за вами... Сейчас с конспирацией покончено?

— Депутатом я, конечно, чувствую себя увереннее, чем безработным. Во-первых, есть неприкосновенность, во-вторых, кабинет в официальном здании...

— А вы, кстати, его давно проверяли? На предмет «жучков»...

— Я — открытый политик. То, что говорю в кабинете, — я везде открыто говорю. И при президенте, и при Айтбаеве, и при Кулове. Мне скрывать нечего. Поэтому мне все равно — поставят

«жучки» или нет. Президента я и в Совбезе критиковал: «Курманбек Салиевич, для чего революцию делали?» Иногда ругаемся. Но эти разборки у нас «семейными» получаются, а не враждебными. Наша критика – искренняя.

– Я спросил потому, что вспомнил, как в парламенте прежнего созыва у вас в кабинете (и у ваших коллег) «жучки» нашли. Помните, какой шум стоял? Депутатская комиссия тогда во всем СНБ обвинила. Но расследование так и заглохло. Хотя есть живые люди, которые готовы помочь раскрыть и доказать факты слежки за депутатами и политиками. Но складывается впечатление, что и теперь после революции никому это не нужно.

– Когда я стал генпрокурором и поднял то уголовное дело, Байболов и Абдимомунов – два чекиста, возглавлявшие депутатскую комиссию, – не захотели мне помочь. Может быть, получится вернуться к этому вопросу теперь в комиссии по борьбе с коррупцией... А чьи имена тогда назывались – я хорошо помню. И везде об этом говорю. Джамалов сейчас 1-й зампреда СНБ. Он был в комиссии, которую создали, чтобы меня из генпрокуратуры убрать. Я ему тогда говорил: «По какому праву вы здесь сидите, вы же мне в кабинет «жучок» поставили?!» Другой член комиссии – Мирзакаримов, мой конвойный, когда меня в 2002 году арестовали, он по судам меня таскал туда-сюда. Теперь первым замминистра внутренних дел стал! Еще один – Макешев, 1-й заместитель генпрокурора: на него иссыккульцы жаловались, заявления писали, просили его вообще убрать. И эти люди проверяли меня!

– Так кто-нибудь когда-нибудь разгребет все эти завалы? Ведь главное даже не прошлое, а будущее – где гарантия, что спецслужбы не продолжают и сейчас политическим сыском заниматься и прочей ерундой?

– Заставить СНБ работать по закону, а не по своим положениям – у генерального прокурора есть полномочия. Для этого мы образовали специальный отдел по надзору за правоохранительными органами. Айтбаев тогда против был, он даже Бакиеву говорил: «Бекназаров хочет проверять меня». Я отвечал: есть закон, мы всех проверять должны. А через 10-15 дней меня уволили. И я потом услышал: отдел этот уже не существует. Многих уволили.

Жээналиева – моего зама по следствию, который все те громкие уголовные дела курировал. Аманкулов, другой мой зам по общему надзору – всеми теми объектами, коррупцией он занимался, – и его недавно уволили.

– По какому признаку увольняют – по региональному?

– Думаю, по одному признаку: близок он был к Бекназарову или нет? Я властям уже сказал: прекращайте этот кадровый погром! Я брал в прокуратуру молодых честных ребят.

– А почему, как считаете, президент предпочитает держаться за других – верноподданных людей из акаевского окружения? За Таштемира Айтбаева, например?

– Айтбаеву главное – чтобы был хозяин, ему плевать на закон. И таких людей почему-то оставляют. Может, президент Айтбаева специально поставил – в противовес Кулову?.. Оба работали в МНБ-СНБ, друг про друга многое знают. Об этом сам Айтбаев в парламенте проговорился: «Меня загнали в угол, я тоже буду говорить!»

– Ваш прогноз: примет ли Бакиев рекомендации парламента, отправит ли Айтбаева в отставку?

– Прогноза у меня нет. Но, считаю, президент должен не искать доказательств, а прислушиваться к общественному мнению, к голосу народа – его народ избирал. Когда 21 декабря на последнем конституционном совещании Курманбек Салиевич сказал: «Назовите мне «хвост» Акаева, я его уберу», из зала закричали: «Айтбаев!» Потом, 24 декабря, когда мы курултай проводили, на тот же вопрос народ назвал 43 человека – в т.ч. и Айтбаева! Вот – народное мнение. Когда меня убирали из генпрокуратуры, они же говорили: «Кара-суйский народ требует!» Так почему же сейчас, когда убрать Айтбаева требуют парламент, политические партии, курултай, – его не убирают? Что за двойные стандарты? Значит, у Курманбека Салиевича другие, наверное, причины держать его при себе...

– Вернемся к слухам. Есть еще одна гуляющая версия причин вашей конспирации после отставки: говорят, вы опасались мести Рыспека Акматбаева, которому якобы что-то обещали, однако уголовное дело его передали в суд... Как вы это прокомментируете?

– Не только Рыспеку, но и другим я обещал одно – обеспечить справедливое, законное следствие. И это обещание я выполнил. Поэтому я чист перед Богом и теми, кто пришел, откликнувшись на мое обращение, – перед Акматбаевым, Джайсанбаевым, Паком, Танаевым (всего пришло около 30 человек). Никакого электрошока, целлофановых мешков на голову, избиений, давления я не допустил. Доказали, передали в суд. Других обещаний я никому не давал. Так что Акматбаеву я ничего не должен. Я знаю, КТО и ЧТО ему обещал – вот пусть они и отвечают. Я Рыспека и не опасался никогда – и до сих пор не опасаясь. А немного опасался, честно говоря, тех, кого мы объявили в розыск, на чью недвижимость (незаконно приватизированную за 15 лет) наложили арест – короче, фигурантов новых уголовных дел, коррупционных. Мне говорили: они нанимают какого-то киллера и направляют сюда.

– И где эти дела теперь... Смотрите, Азимбек Анаркулович, что в итоге получилось: не только Акаев, но и его окружение отделались, что называется, легким испугом. В худшем (для них) случае они были осуждены морально, политически, но не юридически. Не стал Киргизстан вторыми Филиппинами или Перу, где бывшие лидеры попали на скамью подсудимых. Возникает, естественно, сомнение: а была ли вообще под всеми теми разоблачениями какая-то почва? Максимович, адвокат семьи экс-президента, не зря злорадствует.

– Помните, как мы отменили закон о статусе экс-президента? Но в конституции-то статья о его иммунитете осталась. И Акаева никто не может сейчас привлечь к уголовной ответственности, допрашивать его не имеют права. А уголовные дела есть, их много лежит где-то. По факту узурпации власти, по объектам недвижимости. Вот, например, здесь в парламенте один судья подтвердил: он же, Аскар Акаевич, указание давал обанкротить отель «Ак-Кеме», чтобы его продать! Продали туркам. А после революции мы проверили: отель, оказывается, ежегодно получал 100 миллионов сомов прибыли – какой же банкрот? Были и материалы, и почва была. Ну ничего, мы в антикоррупционной комиссии еще к тем уголовным делам вернемся.

– Судя по материалам, которые побывали в ваших руках

(например, архив экс-президента), вы – самый осведомленный человек в республике... Скажите, еще что-нибудь когда-нибудь обнарудете?

– Наверное, только в мемуарах. То, что мы обнаружили в кабинетах Акаева и его соратников, для уголовного дела не пригодится. Многие факты доказать трудно. Помните списки с некими суммами? Некоторые я отдал депутатам по их просьбе. Так они потом каждый день чуть ли не дрались – один кричал: «Я давал!», другой: «Я не давал!» Что это доказывает? Только одно – в какую коррумпированную страну Акаев превратил Киргизстан! Почему мы так бедно живем, почему такой бардак? Только он виноват. Безответственный, безнравственный, кто вообще управлял страной – не поймешь. Поэтому он и сбежал – и тем самым признал вину. Наверное, Бог знал, что нынешние правители, наследники Аскара Акаевича, не смогут его наказать, – и решил помочь народу, сам наказал. Ведь хуже наказания не бывает! Я попытался показать народу, как над ним издевались, – но никто, никто мне не помогал! Наоборот, все 6 месяцев мне только мешали, не давали работать. Я для этого еженедельно и собирал прессу – надеялся, что хоть общественность мне поможет. Но не смог довести все до конца. Как я ушел – всех этих дел будто и не было! Все тихо. А адвокат Максимович в глубине души, наверное, не надо мной, а над нынешней властью издевается! В один прекрасный день его клиенты заговорят – и расскажут, как ее, эту нынешнюю власть, одурачили.

– Максимович, кстати, заодно и от вашего бывшего партнера – адвоката Либермана – уже камня на камне не оставил. А недавно в одном из интервью поведал нечто любопытное – он, оказывается, читал все либермановские отчеты и ничего серьезного в них не нашел! Получается, кто-то из генпрокуратуры попросту «сливает» заезжему адвокату информацию? Ваши комментарии?

– По соглашению, которое было подписано при мне, Либерман мог отчитываться только перед генеральным прокурором и следователем, который ему поручение дает. Это – секретно. Кто знакомит Максимовича с отчетами после моего ухода – не знаю. Либерман, я знаю, кое-что нашел – и давно. Но если у наших

властей нет желания продолжать эту работу... Я читал высказывание нового генпрокурора Конгантиева – о том, что он будет работать только с официальными органами. Пусть попробует. У него с США, Швейцарией, Германией есть соглашения? Они даже Конгантиева не признают, если он придет. Даже по СНГ когда мы работали, объявляли в розыск Лысогорова, Танаева, Носова, Тойгонбаева, Саркишевых, Калиевых, Барыктабасова – коллеги даже на наши запросы не отвечали! Хотя есть и двусторонние соглашения, есть Минская конвенция. Когда наши следователи были в Москве, им даже не давали никого допросить... Поэтому мы и рисковали, принимали неординарные решения. Данияр Усенов – молодец, дал Либерману свои деньги, поступил как патриот. Понимаете, если на каких-нибудь островах обнаружат наши деньги, которые там отмывались, они заберут их себе. Другое дело – если мы их найдем. Через Либермана. Мы старались их найти – и нашли бы. Да и сейчас не поздно. Нужна только воля наших властей.

– Вернемся напоследок к приближающейся годовщине мартовских событий. Ваша партия «Асаба» к ним готовится, но при этом не примыкает ни к каким политическим движениям и объединениям, которые сегодня плодятся как грибы после дождя. Почему?

– «Асаба» никогда не шарахалась из стороны в сторону, как некоторые другие партии. И не входила, как другие, сразу в разные коалиции, которые друг другу противоречат. Потом, мы чувствуем: есть политические группы, которые просто хотят реванша. А наша цель – бороться с коррупцией и регионализмом, делением страны на юг и север. Киргизстан больше всего душат эти две болезни. А нам нужна единая мощная нация, расколоть страну мы не дадим. Сейчас не только правоохранительные органы, но и многие политики и депутаты – пробакиевские или прокуловские. Даже преступный мир поделился на пробакиевский и прокуловский! А мы хотим быть не пробакиевскими, не прокуловскими, а пронародными. Потом, мартовскую революцию ведь возглавила «Асаба» – вместе с другими партиями в составе НДК. Мы привели эту власть – и что же, будем теперь с ней бороться? Это же – наше детище! Нет, мы пока хотим ей помогать встать на ноги, дать ей новое направление, чтобы она по старым

тропам не ушла.

Интервью вел
Вадим НОЧЕВКИН
2 февраля
Дело №